

УДК 1(091)

В.В. Оглезнев**ДЖ.Л. ОСТИН И Г.Л.А. ХАРТ О СОВЕРШЕНИИ ДЕЙСТВИЙ
ПРИ ПОМОЩИ СЛОВ¹**

Представлено исследование лингвистического подхода Дж.Л. Остина к обыденному языку и аналитически ориентированной концепции юридического языка Г.Л.А. Харта, их взаимосвязь и взаимовлияние. Основой исследовательской стратегии является тезис перформативности, как необходимое онтологическое условие построения указанных концепций.

Ключевые слова: перформативы, дескриптивные выражения, аскриптивные выражения, философия обыденного языка, Дж.Л. Остин, Г.Л.А. Харт.

В 1930–1940-х гг. в англоязычной академической среде сложилось специфическое направление в рамках аналитической философии – философия обыденного языка, развиваемая преимущественно в работах Дж.Л. Остина и «позднего» Л. Витгенштейна. Эта философская традиция предполагала признание и обоснование того, что слова в человеческой жизни играют активную роль; что позволило собственно философии выйти за рамки изучения пропозициональной стороны языка и сосредоточиться на коммуникативной стороне речи. Выступая против сциентизма в философии, представители этого философского течения отмечали, что люди используют язык как средство совершения действий. Анализ понятий «использование» или «употребление» позволил говорить о языке, в первую очередь, как о совокупности *действий*, а не значений. Что, в конечном счете, способствовало тому, что эти действия стали пониматься не как нечто, имеющее характер поступков, совершаемых свободными в публичной сфере индивидами, но как *социальное поведение*, т.е. как определенный ряд действий, которые в определенных обстоятельствах ожидаются социумом от индивида.

С этого времени философия открывает совершенно особый тип речевых актов, особенность которых заключается в том, что осуществляющий их субъект всегда совершает нечто большее, чем описание индивидуального действия, не совершая при этом никакого дополнительного действия. Философы обратили внимание на то, что огромное количество действий люди способны совершать при помощи слов или словами. Более того, в каждом речевом акте обнаружилось не один, а несколько уровней, поскольку, кроме совершения самого акта высказывания, мы нечто делаем посредством этого акта и при этом как-то оцениваем последствия его совершения и степень воздействия на того, к кому обращаемся. Многие из того, что мы говорим, на-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-33-00343а2), РГНФ (проект № 12-13-70001а), Совета по грантам Президента РФ (проект № МК-270.2011.6) и в рамках государственного задания Минобрнауки России на проведение научных исследований (Тематический план НИР Томского государственного университета) № 6.4832.2011.

правлено в первую очередь не на передачу информации, но на подтверждение, актуализацию или внесение изменений в существующий институциональный *status quo*. Таким образом, язык начинает рассматриваться не как система обозначений, но как инструмент осуществлений той или иной социальной активности.

Принимая во внимание прагматизацию философии языка, данная статья имеет своим предметом экспликацию лингвистического подхода Дж.Л. Остина и аналитически ориентированной концепции юридического языка Г.Л.А. Харта, их взаимосвязь и взаимовлияние. При этом исследование, не претендуя на полноту освещения философских представлений Остина и Харта, направлено на анализ точек пересечения их методологических стратегий, учет которых позволит зафиксировать в рамках предложенных теорий специфику словоупотребления.

По мнению Остина, философия языка во многом пострадала от так называемого дескриптивного заблуждения (*descriptive fallacy*) [1. С. 153], поскольку язык анализировался так, как если бы он был исключительно дескриптивным. Напротив, задача анализа – прежде всего, точно указать на конкретные множества различных способов обыденного употребления языка, которые в определенных ситуациях с очевидностью не могут быть верифицированы или фальсифицированы. Эти ситуации, или контексты употребления языка, могут быть проанализированы только в терминах речевой ситуации. Поэтому Остин сдвигает акцент исследования с формальных признаков высказываний на анализ конкретных ситуаций. Действительно, если не вызывает сомнений, что утверждение типа «Собака сидит в будке» описывает некую фактическую ситуацию, то, напротив, ошибочно анализировать утверждение «Я обещаю Вам заплатить» как дескриптивное. Несмотря на то, что утверждение «Я обещаю Вам заплатить» может внешне казаться дескриптивным, т.е. может описывать существование обещания, однако подобная интерпретация упускает из вида его подлинную природу или искажает ее. Тот, кто произносит «Я обещаю Вам заплатить», не описывает существование обещания, но *дает* (или, словами Остина, *делает*) обещание. Остин, в целом не отрицая того, что определенное использование языка может быть дескриптивным, отмечал важность учета перформативного характера многих повседневных употреблений. Люди используют язык не просто для того, чтобы описать мир, а скорее совершить действия с их помощью. «Слова суть инструменты, которые мы используем», – говорил Остин. Они являются средствами, с помощью которых мы познаем мир, а не просто его описываем. Поэтому невозможно понять предложение, просто анализируя составляющие его слова или его структуру, без внимания к говорящему и к той цели, ради которой он использует предложения.

Если мы отправляемся именно от «обыденного языка», т.е. задаемся вопросом о том, *что мы должны говорить, когда и, соответственно, что мы должны иметь при этом в виду*, а также, собственно, *почему*, нам нужен некий метод, который способен пролить свет на интересующие нас проблемы при строгом, тщательном ему следовании. Остин так формулирует содержание этого методологического средства: «Во-первых, слова суть инструменты, которые мы используем; эти инструменты должны быть, по крайней мере,

достаточно чистыми, т.е. мы должны знать, что мы имеем в виду и что нет, мы должны быть достаточно вооружены для того, чтобы не попадаться в те ловушки, которые расставляет нам язык. Во-вторых, слова (кроме как в их собственном маленьком углу) не суть факты или предметы. Поэтому мы должны отнять их у мира, придержать их в стороне от него и разместить их против него, дабы получить возможность осознать всю присущую им неадекватность и двусмысленность и взглянуть на мир без помех. В-третьих, и это более ясно, общий для всех нас мир слов воплощает собой совокупность всех тех различий, которые человек находит нужным проводить, а также связи, которые он находит нужным отмечать и накапливать с течением многих сменяющихся одно другое поколений» [2. С. 207].

Идея Остина, что слова являются инструментами, которые мы используем, вряд ли можно счесть уникальной и оригинальной для философии его времени, например, Л. Витгенштейн также использует сравнение «слов» с «инструментами». Так, в § 11 «Философских исследований» он пишет: «Представь себе инструменты, лежащие в специальном ящике. Здесь есть молоток, клещи, пила, отвертка, масштабная линейка, банка с клеем, гвозди, винты. – Насколько различны функции этих предметов, настолько различны и функции слов» [3. С. 84]. Но нам кажется важным понять, что имел в виду Остин под этой фразой, выражающей отношение между говорящим и словами, которые им используются. Возможно, эта мысль – фундирующий элемент философии языка Остина.

Если мы мыслим в соответствии с остиновскими определениями, то получается, что, переходя от «высказывания» к «языку», мы переходим от более узкого контекста, каковым является специфическая ситуация конкретного речевого поведения, к более широкому контексту социальных и политических действий. Однако только рассмотрение конкретных языковых практик, позволяет нам лучше понять язык. Действительно, в нашей повседневной жизни мы часто используем слова как средства для выполнения определенных действий. Я протягиваю руку и говорю: «Дай мне стакан воды», или в авиакассе, покупая билет, я говорю: «Один билет до Москвы, пожалуйста» и так далее. Эти и другие возможные примеры – явное свидетельство того, что слова являются нашими гносеологическими инструментами. Однако для Остина смысл выражения «Слова суть инструменты, которые мы используем» имел более резонирующее значение, которое связывалось им с фундаментальными проблемами природы языка. Витгенштейн, например, свою прагматически ориентированную концепцию языка основал на идее, что «значение слова – это его употребление в языке» [3. С. 99]. Значением слова является не его определение посредством словаря, а скорее знание того, когда и как оно может использоваться соответствующим должным образом. Слова суть инструменты, но говорящие вынуждены пользоваться лишь теми инструментами, которые непосредственно предоставлены в их распоряжение, т.е. со «значениями», которые имеют слова, используемые говорящими. По мнению Остина, подобное сосредоточение на «значении» приводит к неправильному пониманию природы языка. Безусловно, язык есть социальное явление; говорящие не достигнут коммуникативного успеха, если они не будут использовать слова таким образом, который будет понятен тем, кому они адресованы.

В этом смысле в языке необходимо исследовать не слова, используемые говорящими, но способ их употребления, поскольку «выражение “значение слова”, как правило, если не во всех случаях, является опасной фразой-бессмыслицей» [4. С. 77].

Остин, в отличие, например, от Стросона [5], признавал важность социальных конвенций в работе языка, а значит, считал, что говорящие ограничены языковыми конвенциями, необходимыми им для общения. Но при этом он осознавал значимость свободы говорящего, позволяющей посредством манипуляций этими конвенциями достичь определенной цели. Говорящий не создает себе «инструментов», а должен использовать лишь те, что предоставлены в его распоряжение; но для того, чтобы понять, какие действия совершает говорящий, употребляя имеющиеся в его распоряжении слова, недостаточно восприятия слов самих по себе и неких лингвистических правил, указывающих на то, как необходимо эти слова использовать. Поэтому для Остина одной из основополагающих проблем было выяснение того, как достичь цели, используя эти правила.

Тем не менее подобное видение природы использования языка с неизбежностью порождает определенную проблему, а именно, мы вынуждены использовать лишь те инструменты, что предоставлены в наше распоряжение. Но может случиться так, что не всегда эти инструменты нам подходят. И мы не можем быть уверены, что эти инструменты «достаточно чисты», как этого хотел Остин, и надежны. Например, мне дают телескоп и просят меня составить какой-то фрагмент карты звездного неба. Но моя работа будет тщетна, а результаты далеки от реальности, если линзы телескопа будут загрязнены или повреждены. Слова действительно являются инструментами, которые мы используем, но иногда, как это явствует из нашего примера, их необходимо очистить или даже заменить.

Не вызывает сомнений, что Харт использовал метод лингвистического анализа при проведении философско-правовых исследований, основные результаты которого нашли свое отражение в его фундаментальной работе «Понятие права» [6]. При этом только весьма незначительное количество статей, написанных в ранний период его творчества, можно с уверенностью отнести к традиции аналитической философии языка. В этом смысле нет достаточных оснований утверждать, что Харт при написании «Понятия права» явно придерживался остиновского понимания языка. Отсутствуют соответствующие указания самого Харта на приверженность методологических установок Остина. Только много лет спустя Харт признается, что именно Остин оказал на него наибольшее влияние – влияние на формирование его правопонимания [7. С. 273].

Однако целью данной статьи является не констатация того, что надлежащее понимание философии языка Остина способно прояснить методологические основания подхода Харта к философско-правовой проблематике, а скорее демонстрация того, что отдельные определенные элементы остиновской концепции языка можно обнаружить в ранних трудах Харта.

Для построения концепции юридического языка, которая учитывала бы его специфические характеристики, Харт выявляет перформативный характер некоторых юридических понятий. А поскольку в юридическом языке

имеет место серьезное противоречие между дескриптивными высказываниями, основная функция которых заключается в описании неких фактов совершения действия, подтверждаемых наблюдаемыми проявлениями и разъясняющих право аскриптивными произнесениями, в отношении которых, в отличие от дескриптивных предложений, сложно поставить вопрос об их истинности или ложности, Харт предлагает подход, согласно которому философский анализ понятия «человеческое действие» является неадекватным и вводящим в заблуждение потому, что предложения формы «Это сделал он» традиционно считались *дескриптивными*, тогда как их основная функция – *аскриптивная*, буквально заключающаяся в *приписывании* ответственности за действия, а основная функция предложений формы «Это – его» – в *приписывании* права собственности [8. С. 119]. Логико-семантические особенности, которые отличают эти виды предложений от дескриптивных предложений, могут быть лучше всего поняты при рассмотрении определенных особенностей юридических понятий, поскольку они чаще встречаются в юридической практике и процессе, а не в теоретических рассуждениях правоведов о правовых понятиях.

Суждения о фактах не есть то же, что суждения о приписывании права и ответственности. То есть, с одной стороны, для интерпретации или квалификации действий достаточно восприятия наблюдаемых физических движений тела, и в таком случае произнесение *дескриптивно*, но, с другой стороны, наличие необходимых и достаточных условий не всегда достаточно (за исключением судебного решения), так как могут появиться некие новые обстоятельства, отменяющие характер представленного утверждения. И только в этом смысле предложения, описывающие действия, согласно Харту, *аскриптивны*, но не дескриптивны. Мы не описываем таким образом некое положение вещей, но приписываем ситуации определенный статус через анализ понятий «права» и «обязанности».

Но как нам определить, какое высказывание является перформативным? Остин предлагал два способа его идентификации: 1) высказывание начинается либо глаголом в первом лице единственного числа настоящего времени, либо местоимением первого лица, за которым следует глагол; 2) в высказывании используется глагол в пассивном залоге во втором или третьем лице настоящего времени. Так же, как и Остин, Харт пытается выявить существенные (в первую очередь грамматические) признаки аскриптивных выражений и указывает, что, произнося такие предложения, особенно в настоящем времени, мы часто не описываем, но фактически осуществляем или производим некое действие, и, когда эти слова употребляются таким способом, они соотносятся с подтверждающими их фактами. Но помимо этого, данные предложения, особенно в прошедшем и будущем времени, имеют многообразие других употреблений, которые в целом нелегко вычленишь из так называемого их первичного употребления [8. С. 130].

Желательность и необходимость проявления внимания к характеру использования языка говорящим находят свое детальное обсуждение в статье Харта «Сказка логика», посвященной непосредственно философии языка, [9]. Здесь Харт пытается разобраться с аналитико-лингвистической проблематикой экзистенциальных предпосылок суждений обыденного языка, где основ-

ное гносеологическое внимание центрируется вокруг вопроса: предполагает ли утверждение «Некоторые автомобили имеют красный цвет», что автомобили на самом деле существуют, и если это так, то утверждение истинно, а если нет – ложно?

Согласно аристотелевскому пониманию этой проблемы, утверждения формы «Весь S суть P», «Ни одно S не суть P», «Некоторые S суть P» и «Некоторые S не суть P» предполагают существование, по крайней мере, одного члена класса, обозначенного субъектом. Следовательно, каждое из утверждений «Все людоеды является злыми», «Ни один людоед не является злым», «Некоторые людоеды являются злыми» и «Некоторые людоеды не являются злыми» только в том случае может быть истинным, если людоеды на самом деле существуют. В противном случае они будут ложными.

Действительно, это допущение, казалось бы, позволяет прийти к выводу, что «Логический квадрат» Аристотеля обеспечивает доказательство *существования* чего угодно, в том числе людоедов, гномов и проч., вообще «всего, что заслуживает внимания». Это *доказательство* имеет следующую форму: если задать какое-то множество четырех форм А, Е, I и О (типа «Все упыри являются покойниками», «Ни один упырь не является покойником» и т.д.), одно из двух частных суждений I и О должно быть истинным; как I, так и О, согласно экзистенциальной интерпретации, влекут, что упыри существуют; следовательно, при условии, что одно из этих четырех суждений об упырях должно быть истинным и что каждое из них влечет, что упыри существуют, тогда нет мыслимых обстоятельств, при которых утверждение «Упыри существуют» будет ложным. Это означает, что утверждение «Упыри существуют» является необходимо истинным.

Однако подобная аргументация вводит в заблуждение, по крайней мере, по двум основаниям. Во-первых, данное доказательство не учитывает того, что «Логический квадрат» связан просто с демонстрацией логических взаимоотношений этих четырех форм суждений, т.е. с демонстрацией того, каким образом истинностное значение суждений одной формы предопределена истинностным значением других форм, а его стороны и диагонали представляют высказывания о следовании или высказывания о логической необходимости или логической невозможности. Причем совершенно ясно, что единственная информация, которую такие высказывания о следовании, логической необходимости или логической невозможности могут придать истинности или ложности значений любой из форм А, Е, I и О, должна быть *гипотетической*. Эти формы свидетельствуют только то, что *если* О ложно, то I должно быть истинно, что *если* А истинно, то I должно быть истинно, и т.д. Во-вторых, хотя Квадрат и предполагает, что каждое осмысленное суждение является либо истинным, либо ложным, но это допущение не всегда очевидно, как в случае сказки, ибо вымысел не является ни истинным, ни ложным. Иными словами, из предложенного выше доказательства не следует, что в каждом отдельном случае *осмысленного* употребления предложения высказывается суждение, которое должно быть истинным или ложным.

Как уже отмечалось выше, фундирующим элементом философии языка Остина является допущение, что высказывания не могут быть должным образом поняты без внимания к словам, из которых они состоят, и к порядку их

размещения в высказывании. Предметом анализа выступает не высказывание само по себе, но контекст его употребления и то, какие действия при этом пытается совершить говорящий. Как и у Остина, «истинность или ложность утверждения зависит не только от значений слов, но и от того, какое действие мы совершили и при каких обстоятельствах» [10. С. 121]. Вывод Харта состоит в том, что хотя при некоторых обстоятельствах утверждение «Все людоеды являются злыми» является ложным, так как людоедов не существует, т.е. не выполняется пресуппозиция существования, но когда такое утверждение является частью сказочной истории, вопрос об его истинности или ложности просто не возникает. Поэтому когда слушающий сказку, которая содержит утверждения типа «Все людоеды являются злыми», спрашивает: «Правда ли, что все людоеды являются злыми?», – становится очевидным, что он просто не понял, как рассказчик использует соответствующие слова [9. С. 132]. Схожую мысль мы обнаруживаем у Остина: «Принцип логики, сообразно которому “каждая пропозиция должна быть либо истинной, либо ложной” на деле всегда был наиболее простым, трудноискоренимым и распространённым из дескриптивных заблуждений» [1. С. 153–154]. Действительно, аргумент Харта о том, что вопрос об истинности или ложности не возникает в отношении сказочных суждений, покоится не на онтологических условиях вымышленного дискурса, но фактически на том, какие действия намеревается совершить говорящий, произнося слова, конституирующие сказочную историю.

Таким образом, Харт вслед за Остином отмечает, что при анализе языка, особое внимание следует обращать на то, как язык используется говорящим, а не на семантическое содержание подлежащих анализу суждений. Короче говоря, «мы должны сместить наше логическое внимание с общего на частное и сконцентрироваться не на значении, не на условиях истинности, не на логических отношениях суждений, а на обстоятельствах частного употребления и на том, что может быть названо способом утверждения предложения в частном случае» [9. С. 135].

Литература

1. Остин Дж.Л. Истина // Остин Дж.Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 138–155.
2. Остин Дж.Л. Принесение извинений // Остин Дж.Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 200–231.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–320.
4. Остин Дж.Л. Значение слова / Остин Дж.Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 76–95.
5. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Философия языка / Ред.-сост. Дж.Р. Сёрл. 2-е изд. М.: Едиториал, 2010. С. 35–55.
6. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
7. Sugarman D. Hart Interviewed: H.L.A. Hart in Conversation with David Sugarman // Journal of Law and Society. 2005. Vol. 32, № 2. P. 267–293.
8. Харт Г.Л.А. Приписывание ответственности и права // Изв. высш. учеб. зав. Правоведение. 2010. № 5 (292). С. 116–135.
9. Харт Г.Л.А. Сказка логика // Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2009. № 4(8). С. 123–135.
10. Остин Дж.Л. Как совершать действия при помощи слов? // Остин Дж.Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–138.